

ва Е., Эндриус Э. О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е.И. Замятина. СПб., 1994; Лосев А.Ф. 1) Диалектика числа у Плотина. М., 1928; 2) Числовая и структурная терминология в греческой эстетике периода ранней классики // Вопросы античной филологии. М., 1966. С. 29–44; Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Ю.М. Лотман. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 58–63; Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972; Кудин П.А. Пропорции в картине как музыкальные созвучия. СПб., 1997; Марр Н.Я. О числительных // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. Сб. статей. I; Нидербуде А. Между формализмом и интуитивизмом: Математика и литература в начале XX в. // Литературоведение XXI в. Тексты и контексты русской литературы СПб. – Мюнхен, 2001. С. 162–178; Новичкова Т.А. Традиционные числа в былинах // Известия ОЛЯ АН СССР. М., 1984. Т.43. № 2. С. 144–155; Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка // Ж. Пиаже. Избр. психол. труды. М., 1969; Равдоникас Ф. В. Музыкальный синтаксис. СПб., 2002; Садов А. И. Знаменательные числа. СПб., 1909; Силард А. 1) Андрей Белый и П. Флоренский (Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством) // *Studia Slavica Hungarica*, 1987. № 33. S. 227–238; 2) Жанровые проблемы символистской прозы (роман и математика) // *Studia slavica Hungarica*, 1988. № 34. S. 93–112; 3) Математика и заумь // Заумный дадаизм и футуризм в русской литературе. Берн, 1991. С. 333–352; Симонов Р.А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977; Страхов Н. Н. О времени, числе и пространстве // Русский вестник, 1897. Январь; Сыркин А.Я. Числовые комплексы в ранних упанишадах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV. С. 76–85; Топоров В.Н. 1) К семантике троичности (слав. 'тризна') // Этимология–1977. М., 1979; 2) К семантике четверичности (анат. 'мен') // Этимология–1981. М., 1983; 3) О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3–58; 4) Числа // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 629–631; Ульянова О.Н. 1) Число в диалоге мировоззрений // Известия Груз. АН. Серия философии и психологии. Тбилиси, 1985. № 4. С. 43–48; 2) Число в истории эстетического опыта // Филос. науки. М., 1986. № 5. С. 147–151; Феофан (В.Л. Быстров). архим. Тетраграмма, или Ветхозаветное Божественное имя. СПб., 1905; Флоренский П.А. 1) Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5; 2) Приведение чисел // Богословский вестник. М., 1916. Июль. С. 292–321; Фролов Б.А. Числа в графике неолита. Новосибир., 1974; Шапочников Н.А. Опыт математического выражения понятий и выводов этики. М., 1896; Чистякова Э.И. Символ как число в теории символизма (По поводу философских размышлений А. Белого) // Филос. и социолог. науки. Киев, 1989. № 6. С. 92–96; Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960; Эккартсгаузен К. Наука числ (Ключ к тайнам Природы). СПб., 1815; Эльбрус А. Поэтика и математика (Хуруфизм в средневековой восточной поэзии и его математическое раскрытие). Баку, 1973; Granet M. *La pensée chinoise*. Paris, 1934; Menninger K. *Number words and number symbols. A cultural history of numbers*. Camb. (Mass.), London, 1970; Whit J. *Mathematical Imagery in Musil's «Young Torless» and Zamyatin's «We»* // *Comparative Literature*. 1966. P. 71–78.

ЭСТЕТИЗМ

1) Перенос явлений искусства на бытовую реальность; 2) восприятие исторически актуальной действительности как эстетического артефакта; 3) самоорганизация биографии как художественного произведения. Термин «Э.» широко употребляется в негативном оценочном смысле, когда имеется в виду Э. ренессансного типа, чреватый ложной героизацией «я», гиперсемиотизацией реальности (она «читается» как текст символистский или загадывается как энигматический), кризисом общения, страхом перед жизнью. Романтический Э. превращает жизнь в «роман», а реальных людей – в его «персонажей» (см. театрализовано-«литургический» культ «прекрасных дам» в среде немецких романтиков и русских символистов). Итог этой разновидности эстетизма – профанация Эроса, превращение его в эротофагию (Ф. Степун). Таков и ницшеанский Э., в кот. окончательно разведены этическое и эстетическое: первое обращено в амбивалентно-циническое самоосмеяние–величание, а второе – в неведающую собственной альтернативы самодовлеющую «красоту» (т.е.

красоту силы, витальной цепкости, онтологического упрямства). Э. оказывается суррогатом веры и лже-религией. Бессознательная подоплека названных форм саморазрушения «я» – нарциссизм; его дериватами в сфере бытового поведения можно считать кокетство, салонное «жизнетворчество», намеренное шутовство и юродство, самолюбование отчаянием, «самосочиненность» (словечко Достоевского), и творческий самообман. Однако подлинные социальные мотивации могут иметь и вполне трагический характер. Они принуждают насильственно овнешненное «я» к спасительному театру личин и к исполнению ампула ожидаемых обществом ролевых стратегий (Теккерей В Книга сновов, 1847). В ситуации, когда «в жизни жизнь переходит в искусство» (Б. Пастернак) мы имеем дело с эстетической защитной реакцией на отчужденную «я» враждебную действительность. Европейская тема приносимого искусством зла (Т. Манн) родилась из предпочтения «духа музыки» хтоническому гнету внешних стихий чуждого мира; но «рождение искусства из духа

музыки» (Ницше), знаменует для романтической традиции эстетизма не победу гармонических орудий Аполлона, а торжество дионисийского экстаза в хаосе. В русской традиции в красоте не только спасение (по реплике героя Достоевского, Зосимы), но также и искупление. Нетрудно эстетизировать страдание и превратить его в предмет греховного самолюбования (о чем многократно предупреждали подвижники аскетического опыта), но и картина мира, в котором не страдает никто, как у Лейбница, с его гипероптимистической теодицеей, – может стать результатом эстетского восприятия мироздания за рамками органического Зла. В дневниковой записи русского мыслителя: «Есть красота, и есть служение красоте, и есть потребительское отношение к красоте: эстетизм. И очень похожий на эстетизм есть оптимизм,, как, тоже вовсе не оправдываемая личным творчеством добра, вера, что все в мире идет к лучшему» (Пришвин М. Незабудки. М., 1969. С. 152). Второе значение термина «Э.» («эстетика истории») актуализируется уже в эпоху перехода от мифологических описаний к раннеисторическим, в рамках которых человек, вовлеченный в мировой поток необратимого времени, может быть понят лишь в категориях возвышенной трагедии (карма в традициях индуизма и буддизма; Судьба в трагическом историзме Ветхого Завета) и мистериально–жертвенной катастрофы (эсхатологич. пафос «Откровения» Иоанна Богослова). Драматизованная историография Античности и Средневековья, хронографии Византии и историческая проза возрожденцев, декоративно–приключенческие мемуары и хроники Просвещения и героическая монументальность русских летописных сводов, беллетризованный пассаизм романтиков, с их обостренной исторической интуицией и поэтической историософией, – весь этот эстетический опыт памяти усовершенствовал особый механизм зрелищного восприятия прошлого («феатр истории», «высокое зрелище») то в виде спектакля («игра»), то в виде картины («эфразис»), то в виде литературного текста («роман жизни» в «Евгении Онегине»), а позже – в поэтике синема. Термины, фиксирующие типы мистической коллективности («почва», «соборность», «богочеловечество», «всемирность», «симфония», «ноосфера»), также обогатились эстетическими акцентами. «Философия истории» Гегеля – в той же мере героический эпос Мирового Духа, в какой «Закат Европы» О. Шпенглера – трагический фарс, а

«Смысл истории» Н. Бердяева – манихейский фельетон. Третий смысловой слой термина «Э.» (построение жизни как текста) важен для философской критики всякого художнического артистизма и того специфического единства высказывания, поступка и произведения, кот. Грибоедов и Батюшков отразили в формуле «пишу, как живу и живу, как пишу», а М. Пришвин назвал творческим поведением. Мыслители и художники романтического типа свои биографии творят по закону литерат. жанра («песня», «поэма», «роман») или по действию высокого сакрального архетипа («поэт = жрец/жертва», «изгнанный пророк», «мессия»; «Встреча», «Голгофа»). В поведении и реальных судьбах вольнодумцев и масонов 18 в., Карамзина, Пушкина, Голя, Герцена, Бакунина позитивный Э. жизнестроения отвечал осознанному мессианизму как основному стимулу творчества. Тот же мессианский Э. стал формой художнической судьбы Ф. Достоевского, Н. Федорова, К. Леонтьева, В. Гаршина, Л. Толстого, В. Соловьева, А. Блока (ср. тему «вестничества» у обериротов (Я. Друскин) и Д. Андреева. Умельченно–редуцированный вид приобрел Э. такого типа при переходе его из мессианизма в учительско–пропагандистский миссионизм демократического толка в эстетике круга «Современника» и «Отечественных записок» (Н. Чернышевский, Н. Некрасов). Направленным жизнестроительным активизмом отмечено творчество большинства символистов и футуристов. В бытовом и философском опыте софиологов и имяславцев, «апокалиптиков» (В. Свенцицкий) и «соловьевцев» (А. Белый), в памятниках «христианского символизма» («Столп и утверждение Истины», 1914 П. Флоренского) и персонализма («Самопознание», 1940 Н. Бердяева), в творчестве мирискусников и авангардной теории «магического» (Ф. Сологуб) театра и «театра для себя» (Н. Евреинов), в философско–исторической критике (П. Бицилли) сложно переплелись ностальгический пассаизм и стилизация старых эпох и мировоззрений «александризм», «греческое возрождение», православное визионерство и инославные рефлексы, декадентская гримаса отворачивания к «низкой» действительности, салонная утонченность цитатной риторики, мессианская поза («апокалиптики», «голгофские христиане» «нововиновцы»), юродская самоирония, культ от добра и зла отрешенной красоты, эстетика гибели, мода на эзотерическое знание, философия Эроса и Танатоса, истерическая эсхатология

последнего исторического дня, цинический пафос революционного разрушения и привычный трагизм русской исторической реальности. На этом фоне самоорганизация личной биографии как упорядоченного текста была единственно возможной для философа и художника формой онтологического поединка с разрушенным миром ценностей и распавшейся на осколки личности, т.е. преобразования хаоса стихий в космос культуры (миры, по слову Блока, должно строить «не на хаосе, а из хаоса»). Автор концепции «эстетической самоорганизации личности» – Ф. Степун, как ранее – П. Флоренский и С. Булгаков, уверены, что в форме личности каждый становится формой само себя. В ранних работах А. Мейера говорится об эстетической завершенности бакунинской жизни и о революционере как «художнике–артисте»; позднее он построит концепцию жертвенной мистерио-

логии культуры, согласно которой все частные сознания поднимаются к единомножественному «Верховному Я»; оформляется эта богочеловеческая Встреча в контексте литургико–эстетического действия. Русская богословско–эстетическая теодицея и художественное оправдание жизни искусством сошлись в общей точке положительной эстетики жизни и истории. Глубину конфликта меж этическим и эстетическим в Э. русская религиозная философия изучала на героях Достоевского; особое внимание снискал Э. Ставрогина (С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Аскольдов–Алексеев). Эстетизованная бесовщина вторым накатом настаивает нашу современность: см. артистизм цинизма и профессионально эстетизованного глумления над человеком и святынями христианской культуры в литературе, живописи и публицистике вырвавшегося на свободу андеграунда.

Тексты и исследования: Аркан Ю. Л. Эстетизм в философии // Звучащая философия. СПб., 2003. С. 10–22; Аскольдов С.А. Психология характеров у Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и матер. Л., 1924. Сб. 2; Барбье д'Оревильи Ж.А. О дендизме и Джордже Бремеле, 1845. (Вступ. статья М. Кузмина). СПб., 1912; Бердяев Н.А. 1) Константин Леонтьев. Париж, 1926; 2) Мутные лики («Воспоминания о А. А. Блоке» А. Белого // Эпопея. 1922. № 1–3) // София. Проблемы русской духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923; Бодлер Ш. Поэт современной жизни // Ш. Бодлер об искусстве. М., 1986; Бухштаб Б.Я. Эстетизм в поэзии 1840–х гг. в пародии Козьмы Пруткова // Труды Отдела новой русской литературы. М.; Л., 1948. Вып. 1; Габитова Р. М. 1) Философия немецкого романтизма. М., 1978; 2) Философия немецкого романтизма. Гельдерлин. Шлейермахер. М., 1989; Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. М., 1970; Гальцева Р.А. Семь злейших духов // Вопросы литературы, 1991. № 8. С. 37–49; Гроссман Л.П. Дендизм Пушкина // Л. Гроссман. Этюды о Пушкине. М., 1925; Лотман Ю. М. Русский дендизм // Ю. М. Лотман. Беседы о русской культуре (Быт и традиции русского дворянства <18 – нач. 19 века>). СПб., 1994. С. 123–135; Исупов К.Г. 1) Роман Ф. Степуна «Николай Переслегин» в истории отечественного эстетизма // Тезисы Междун. конф., посвящ. 120–летию И.А. Бунина. Елец, 1990; 2) Русская эстетика истории. СПб., 1992; Ильин А.А. // Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. 21. Сноб // А.А. Ильин. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 129–131; // Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. 1. Теория. М., 1920; Кутлуни А.Г., Малышев М.А. Эстетизм как способ понимания жизни в философии Ницше // Филос. науки. 1990. № 9. С. 67–76; Леонтьев К.Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам). М., 1912; Степун Ф.А. Николай Переслегин. Париж, 1929; Насимович С.Т. Эстетизм и эстетика // Багульник, 1916. № 3; Ерасова Е. Маски Макса // Иностран. литература, 2003. № 11. С. 234–241; В.К. Артистическая эпоха и ее последствия (По страницам Федора Степуна) // Вопросы литературы. М., 1997. № 2. С. 124–165; Колесникова А.В. Жизнетворчество как способ бытия интеллигенции. АКД. Новосибирск, 2003; Стъпова И. Към начало на естетизма // Филос. альтернативи. София, 2002. Г. 11. № 5. С. 28–40; Троллоп А. Щеголь ли он? Роман. СПб., 1878; Чернышева М. «Г-н Г. рисует денди...» Шарль Бодлер о дендизме повседневной жизни // Преломления: Труды по теории и истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению. СПб., 2004. Вып. 3. С. 181–186; Чулков Г. Траурный эстетизм // Аполлон, 1910. № 4.